

Наследство Врубеля

Внук художника шесть раз обогнул земной шар и очутился в Саратове. Где и живет последние тридцать лет

Мне много о нем рассказывали. Разного. От «тот самый Врубель» до «безобидного фантазера». Я увидела его и больше не сомневалась. Тот самый. Глаза у него дедовского Демона. Они не отпускают твой взгляд.

На столе разложены справочники из архивов разных стран. Мы рисуем генеалогическое древо. Сергей Янович Врубель выстраивает предков по ранжиру.

— Смотрите, вот — Франц Врубелевский. Родился в 1732 году. Польский дворянин, военный... Он был гвардейцем во Франции, охранял Марию-Антуанетту. Кутила, картежник. Он влюбился в одну из фрейлин Марии-Антуанетты и бежал с ней в Польшу.

Вы знаете отчество собственного прадеда? Я тоже не знаю. А тут — представить трудно — фрейлины и разгульные гвардейцы. Гусар Антон Францевич Врубелевский тоже был храбрым войком. Его сын Михаил Антонович Врубель (польское окончание фамилии уже отпало) участвовал во всех войнах, которые вела Россия в середине XIX века, дослужился до генерал-лейтенанта, был атаманом казачьего войска в Астрахани, а в 1850 году ему «высочайше даровано две тысячи десятин земли в Саратовской губернии в Новоузенском уезде». То есть впервые Саратов и Врубель пересеклись еще полтора столетия назад.

Женившись на белостокской дворянке Анастасии Малиновской, Михаил Антонович родил сыновей Александра и Антона. Александр Михайлович Врубель, служивший, кстати, одно время в Саратове, стал отцом того самого знаменитого художника Михаила Врубеля.

— Вы читали о том, что Михаил Врубель работал в Киеве, дружил с художником Ге, гостил у него в имении? — проверяет мою эрудицию Сергей Янович. — А соседом Ге был очень богатый помещик Ян Соколовский. Врубель влюбился в его дочь Марцеллу. Роман протекал очень бурно. Юная Марцелла забеременела. Ян Соколовский посчитал, что бедный художник — мезальян для его дочери. Влюбленных разлучили. Марцеллу отослали в дальнее имение на Волыни. Там она родила сына и назвала его Яном. Соколовский позволил дать новорожденному фамилию и отчество отца. Так появился Ян Михайлович Врубель. У Марцеллы ребенка забрали. Ее выдали замуж за богатого американца польского происхождения. Яна отдал бедному брату Соколовского.

Бабушку Марцеллу я видел в 1937 году. Мне было восемь лет. Она приехала к нам в Харбин. Бабушка рассказывала моей маме, что Михаил Врубель был единственным мужчиной, которого она любила, обещала в следующий раз привезти нам три своих портрета, написанных Врубелем в дни их романа. Но следующего раза не случилось.

В этом невероятном переплетении людей, стран, времен, событий вообще много неслучившегося. Ян Врубель долгое время считал, что его родители умерли. Много учился, стал военным моряком, был ранен в сражении при Цусиме, попал в плен к японцам. В плену мичман Врубель познакомился с русским художником-маринистом. Волею случая художник оказался свидетелем романа Михаила и Марцеллы. Так Ян Врубель впервые узнал историю собственного рождения. Освободившись из плена, мичман

отправился знакомиться с отцом и попал на похороны великого художника.

— Мои родители не могли не встретиться, — убежден Сергей Янович. — Оба учились в Петербурге. Оба знали Рериха. Отец познакомился с Рерихом на похоронах деда, а мама вместе с Рерихом участвовала в экспедиции по Тибету. Отец поехал в Харбин работать на КВЖД, а мама отправилась туда же бороться с чумой. В Харбине родители и познакомились. В 1912 году у них родился мой старший брат Николай, потом Ольга, Александр, а в 1929 году — я. Мама была православной, отец — католиком. Он, чтобы овенчаться с ней, принял православие. Зато меня крестили два раза: Серджио в католической церкви и Сергеем в православном храме.

Сергей Янович насчитывает в своей жизни как минимум три жизни: харбинскую, французскую и советскую. Первая — самая теплая, солнечная. Родители, братья, сестры обожали маленького Сережу, баловали его, друг семьи дядя Рихард подарил ему настоящую китайскую лодку.

Вторая — самая насыщенная. Пятилетнего Сережу отправили учиться в закрытый частный колледж на юге Франции.

— Это было элитное учебное заведение, — вспоминает Сергей Врубель. — Туда отдавали сыновей французские аристократы, но было много и поляков, и детей русских эмигрантов. Со мной учился потомком знаменитого российского флотоводца Лазарева, сын выдающегося ученого-радиоэлектронщика Витковского. Я даже форму нашу помню: твидовый серо-синий костюм с эмблемой и шапочка. Из нас росли настоящие мужчины. Образование было очень разносторонним. Балет, иностранные языки, верховая езда, мотобол, военное дело. Во Франции меня опекал друг отца, моряк Энри Балеран. Кстати, его дочка стала моей первой любовью. Балеран считал себя коммунистом и подарил мне «Краткий курс ВКП(б)» на французском языке. Он же, узнав, что я хочу стать моряком, взял после колледжа к себе на судно.

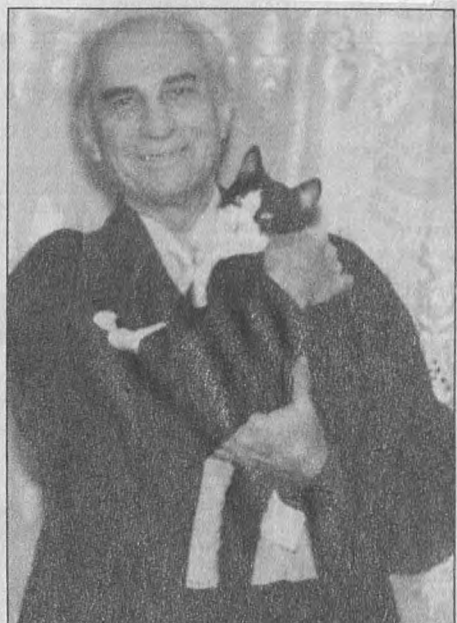
Сергей Янович выучился, как когда-то его отец, на мичмана. Судно, на котором он плавал, называлось «Эсперанс» — надежда.

Мы рассматриваем карту мира. Сергей Врубель вспоминает былые маршруты.

— Под французским флагом я плавал пять лет. Шесть раз обогнул земной шар. Был в Стамбуле, во всех итальянских портах, через Александрию и Суэцкий канал ходил на Мадагаскар. Все даже перечислить невозможно. В Индокитае, в Шанхай плавали раз в полгода, мама моя тогда уже там жила, так что я ее навещал. Был на островах Фиджи и на Гавайских островах, в Австралии и Южной Америке. Потом, в СССР, я рассказывал людям о том, что есть совсем другая жизнь. А мне не верили, называли фантазером. Я не фантазер, я гражданин мира.

Конец мировому гражданству Сергея Яновича положил случай, досадное недоразумение. Проходя в очередной раз таможенный контроль в Марселе, он вместо синей мореходной книжки предъявил красный «серпастый, молоткастый» (советские паспорта были у большинства КВЖДинцев).

— Это беспечность молодости, — горько улы-

бается Врубель. — Меня с вещами отвезли в жандармерию. В чемодане нашли «Краткий курс ВКП(б)» на французском, который Балеран подарил. В общем, из меня стали делать шпиона. На суде об этом узнали. Мои товарищи устроили забастовку, пришли с лозунгами в мою защиту к жандармерии. Меня действительно выпустили, но на судне я остался только пассажиром. Мой последний рейс был в Шанхай к маме.

Ян Врубель к тому времени уже умер. Старший брат Сергея, Александр, воевал в советской армии и погиб в 1945 году. КВЖДинцев активно уговаривали возвращаться на родину.

— Я приехал в Шанхай, а вскоре мама умерла, — вспоминает Сергей Янович. — Брат Николай сказал, что нашу разрушенную Россию надо восстанавливать — Врубели никогда не оставляли Отечество в беде. Николай уехал, а за ним и я.

Так началась третья жизнь Сергея Врубеля — советская. Отличие Отечества от остального мира он понял уже в порту Находка. Здесь у него отобрали все документы об образовании, сказав, что в СССР они недействительны. Сергей понял: к тридцати годам он никто. Поступил в 9-й класс школы рабочей молодежи. Потом окончил иняз, работал военным переводчиком, снова много ездил, но уже не гражданином мира, а вполне советским человеком.

— В шестидесятых пришла весточка из прошлой жизни, — рассказывает Сергей Янович. — Я получил официальные документы из США. Американский сын бабушки Марцеллы Альберт умер бездетным. Мне предлагалось вступить в права наследства. Речь шла о трех портретах Марцеллы Соколовской кисти Михаила Врубеля. Полотна оценивались в баснословные суммы, я должен был заплатить тридцать процентов, чтобы их получить. Пробыл на прием к Фурцевой. Показал документы. Она велела оставить их. Я уехал в длительную командировку. Вернулся, а Фурцевой уже нет.

Документы мне не вернули. С тех пор, когда меня спрашивали: «Вы тот Врубель?» — я говорил: «Нет. Другой». Один раз только почувствовал себя собой. Был в командировке во Франции. Случайно зашел в кино. Показывали фильм «Кто вы, доктор Зорге?». Фильм художественный, но в конце показали фотографию Рихарда Зорге. Помните, я вам рассказывал о друге семьи дяде Рихарде, который мне лодку подарил? Так я его узнал.

Евгения СИНЕВА
Саратовский Арбат для «ОГ»